

По поводу статьи С.И. Вайнштейна «Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого»¹

Т.Б. Долгорукова

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов и участников конференции в г. Красноярске (особенно В.И. Привалихина), посвященной 100-летию со дня рождения моего отца – Бориса Осиповича Долгих. Отдельную благодарность приношу моему однокурснику по историческому факультету МГУ и хорошему другу С.С. Савоскулу за прекрасную статью, написание которой стало следствием кропотливого труда по сбору материала и расшифровке старых рукописных текстов Б.О. Долгих².

С.И. Вайнштейн в своей статье приводит много фактов из личной жизни Бориса Осиповича и его семьи. Однако перед публикацией такого рода работ их показывают членам семьи, дабы избежать неточностей и ошибок. В данном случае этого не сделали ни автор, ни ответственный редактор сборника. Прочитав в книге «Репрессированные этнографы» о своем отце, мне хотелось бы исправить и дополнить кое-что, но прежде выяснить одно недоразумение. Мне обещали вернуть папину фотографию, поскольку она сохранилась в единственном экземпляре, однако этого до сих пор не произошло.

Теперь к делу. Отец не раз рассказывал мне и маме о своем аресте, но его рассказ не соответствует тому, что пишет об этом С.И. Вайнштейн. Отец говорил, что однажды, будучи студентом, он собирался на занятия. Один из его соседей по общежитию, которого подозревали в стукачестве, попросил отца по дороге опустить в почтовый ящик письмо. При выходе из общежития Бориса Осиповича забрали. В кабинете следователь, вытряхивая из портфеля содержимое, обнаружил злополучное письмо. Отец понял, что именно оно должно было послужить компроматом. А дальше произошла удивительная история: стоявший на столе телефон зазвонил, и, когда следователь повернулся, чтобы ответить на звонок, отцу удалось незаметно схватить письмо и бросить его в корзину для ненужных бумаг. Несмотря на то, что

Татьяна Борисовна Долгорукова — дочь Бориса Осиповича Долгих (г. Москва).

следователь не смог сразу обнаружить письмо-компромат, Бориса Осиповича все-таки сослали в Сибирь.

Далее автор статьи с большим сочувствием рассказывает о судьбе отца, но временами несколько сгущает краски, нанося ущерб истине. Действительно, наша семья, приехав в Москву, поселилась в Малом Кондрашевском переулке, сняв девятиметровую комнатку в старом деревянном двухэтажном доме, в котором прожила с 1949 по 1951 г. Жили небогато, но папа все-таки работал не за фанерным ящиком, как пишет С.И. Вайнштейн³, а за столом, который от ветхости качался и иногда падал. Мы, дети Бориса Осиповича, на полу не спали: в комнате, правда, кое-как, размещались диван и кровать, а на ночь ставили раскладушку. Мама как только могла обустроивала наш быт, подрабатывая трафаретчицей у художника, немного шила. Словом, делала все, чтобы наша семья не голодала.

Далее С.И. Вайнштейн повествует о том, что, когда папе стало совсем плохо со здоровьем, мама 30 декабря 1971 г. пригласила к нам домой коллег и учеников, после чего 31 декабря папа скончался⁴. Выходит, что кроме мамы, меня и моей сестры Оли рядом с отцом перед его кончиной никого больше не было. Однако за два года до этого у Бориса Осиповича появилась сначала внучка Таня, а чуть больше года спустя – внук Юра. Общение с внучкой его очень радовало; она даже несколько раз вместе со мной навещала его в больнице. В ожидании же другого моего ребенка он собирал все оставшиеся силы, чтобы однажды услышать от мамы: “Боренька, у нас – внук”. От этого известия он даже заплакал. Борис Осипович умер спустя четыре месяца после этого радостного для него дня.

То, что отец был настоящим ученым, бесребреником – это правда⁵. Но слова С.И. Вайнштейна о том, что “его жена (умерла в 1994 г.), получавшая вместе с неизлечимо больной дочерью нищенскую пенсию, была вынуждена работать почти до конца своей жизни вахтером в подъезде своего дома”, повергла всю нашу семью в шок. Эта оскорбительная фраза вполне заслуживает, чтобы на ее автора мы, родственники Бориса Осиповича, подали в суд.

Моя мама и сестра не были одиночками, ибо рядом с ними всегда находились любящие и заботливые родственники и близкие люди. В момент папиной кончины маме было 56 лет, и она вместе с дочерью Ольгой осталась в трехкомнатной квартире, где прожила 23 года. Правда, в пятиэтажной “хрущовке”, в которых вахтеры не предусмотрены (видимо, С.И. Вайнштейн забыл об этом, поскольку после смерти отца он его вдову не навещал). Мама и сестра вовсе не бедствовали, обе получая пенсии, но мама, будучи очень деятельным, энергичным и в то время, к счастью, здоровым человеком, периодически устраивалась в детский сад, вывозивший детей летом на дачу (не имея собственной дачи, она брала с собой на отдых дочь Олю и внуков).

Когда ей исполнилось 60 лет, она нашла очень удобную для нее работу вахтера-лифтера в кооперативном доме на ул. Дм. Ульянова, закончив предварительно специальные курсы. На работе в ее распоряжении имелась небольшая комнатка с окном, диваном, этажеркой и столом. Были в ней также радио и телефон. Неподалеку

находился дом, в котором мы когда-то прожили 10 лет, и, естественно, все мамыны подружки навещали ее на работе, и она часто заходила к ним в гости в свободное от работы время. Затем у мамы появились друзья из числа жителей дома, где она работала. Более того, будучи членом КПСС, она активно занималась общественной работой. Так что до развившегося у нее через десяток лет диабета она жила настоящей, полноценной жизнью. За девять лет до своей кончины мама занималась только домом, чаще всего общаясь с уже повзрослевшими внуками. Один раз нам всем вместе удалось съездить в Прибалтику, где мы хорошо отдохнули и повидали старых друзей (при папе мы часто бывали в Прибалтике, где каждый раз обзаводились друзьями). За два года, как мамы не стало, она совсем не выходила из дома. Ей это давалось очень тяжело, потому что всю жизнь она была необычайно деятельным и активным человеком, будучи всегда рядом с Борисом Осиповичем и в радости, и в печали. Отец это хорошо понимал и высоко ценил.

Когда мамы не стало, с ней пришли попрощаться его коллеги и друзья, в том числе из Института этнографии (ныне – Институт этнологии и антропологии РАН): Е.А. Эшлиман, И.Ю. Заринов, М.Я. Жорницкая и др. Если я кого-то забыла упомянуть персонально, прошу не судить строго. После смерти мамы моя сестра Ольга переехала жить ко мне, где и живет вместе со мной и моим сыном Юрой и по сей день. А в квартире наших родителей теперь живет семья моей дочери. В ней растет правнук Бориса Осиповича – Никита.

Вся наша дружная семья чтит память о моем отце Борисе Осиповиче Долгих и его верной подруги Вере Гордеевне Долгих.

¹ *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих – человека, гражданина, ученого // Репрессированные этнографы. М., 2002.

² *Савоскул С.С.* Впервые на Севере: Б.О. Долгих – регистратор приполярной переписи // Этнограф. обозрение. 2004. №4. С. 126–147.

³ *Вайнштейн С.И.* Указ. соч. С. 298.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 303.